

РОЗОВЫЙ ЦВЕТ АБАЖУРА

Александр ЯШИН. Короткое дыхание, повесть, ж. «Звезда», 1971, № 5.

Очень не похож на себя как прозаик Александр Яшин в этой посмертно опубликованной повести. Знали мы его в прозе раздумчивым лириком («Утощая рябиной»). Знали жестковатым реалистом, тяготеющим к пластичности, бытовой подробности («Сирота», «Вологодская свадьба»). Пленял он живописностью языка русской северной деревни, которым владел совершенно. Здесь — обнаженная нагота языка строгого, до предела освобожденного от метафор, сравнений.

Привычный Яшин обнаруживает себя редко в новой повести. Вот собака пригнала зайца к ногам охотника, и тот, нарушив свои привычные обязательства перед верным помощником, вручает косога. Откровения переключка с известными нам стихами, в которых размышляет поэт о том, как небрежен еще человек в отношении к природе («Письмо в «Лесную газету», «Не верю, что звери не говорят»). А тут, например: «Медведь пройдет по лесу — ничего без нужды не тронет, человек пройдет — обязательно ударит саногом по муравейнику, либо гнездо птичке разорит, либо в белку камнем кинет. А ведь он — хозяин земли, царь природы!».

На этом близость и кончается: иной материал потребовал новых форм. Лес, «царство пернатых» в повести — не северная тайга, а Подмосковье, увиденное глазами горожанина-интеллигента, Ивана Ксенофонтовича Статыгина. Характер его занимает писателя только с одной стороны. Мы так и не узнаем даже, художник он или архитектор, но пойдем до конца его индивидуальность и общественную сущность. Откроется он читателю в отношениях с молодой одинокой женщиной Раисой Райковой. Остальные персонажи или едва намечены (жена Статыгина — Полина Васильевна), или только названы. Взаимосвязь двоих определяет развитие внутренней идеи повести, а все другое решительно отбросил Яшин — жизнеподобие его мало интересовало.

Итак, случайная встреча. Знакомство, несколько необычное, поскольку инициативнее оказывается она, Раиса Райкова. Кандидат химических наук, она увлечена своим делом, но одинока. Может быть, в силу занятости. Еще вероятнее потому, что боится той распушенности, какую отличает ее отец, «солидное лицо» районного масштаба. Однако людей она не дичится, в суждениях пряма. Статыгин же не может преодолеть неловкости. По необычности ли ее характера. Или потому, что он уже вскоре думал, вдруг она и есть то САМОЕ, чего ему порой не хватало в жизни, то, чего он «ищет всю жизнь»?

Будь это легкий флирт — все было бы проще, но и повесть не представляла бы интереса, не была бы оригинальной. Оба

трудно привыкают друг к другу, встречаясь от случая к случаю. Статыгин только временами избавляется от скованности. Она же, через сомнения и резкие смены настроения, проникается к нему доверием. Ей хочется самого обычного женского счастья: любви, домашнего уюта. Но не любой ценой!..

Они в лесу, после охоты. Двое, но душевного единства не наступает. Сначала она несколько настороженна (ей непривычна обстановка). Потом у Статыгина вдруг приступ астмы. «...Обнимая Раису Михайловну и ощутив крепкий запах ее духов, он вдруг, словно проваливаясь куда-то, судорожно втянул в себя влажный весенний воздух... Что-то схватило его за горло, расперло легкие, словно он обжег их и не может, не в силах сделать вдоха. Нечто подобное с ним уже случилось, но не при таких обстоятельствах, а дома или на службе, которую он не любил, в прокуренном кабинете, из-за какой-нибудь нервной вспышки».

Моменты отчуждения сменяются позже не раз минутами видимого взаимопонимания. В тот раз, в лесу, Раиса рассудила верно: «Все у нас не настоящее, нет естественности в наших отношениях. Все от задания... Нет у нас свободного дыхания, вот и астма». В этих словах концентрируется смысл повести. Жаль, что принадлежат они Райковой, — этот и подобные моменты рационализируют, сглаживают ее сложный образ. Но Яшин мастерски пишет приточность их отношений, угадывая тончайшие нюансы душевной жизни.

Был еще один миг доверительности. Раиса признается в своей любви. Статыгин скорее напуган, чем обрадован. Она, не замечая этого, мечтает по-девичьи о будущем. Большим, лохматым и очень робким представляется Статыгин ее любящему взгляду.

«Большой, лохматый и очень робкий Ваня сидел рядом с нею...». Те же слова сказал автор, писатель — и все открылось со стороны. Она верит в их молчаливое взаимопонимание. Он — отчужден и скоро выдает себя фразой, сказанной неестественно. И она — снова суха и резка: «У вас опять астма, Иван Ксенофонтович!» Здесь, в комнате Раисы, розовое световое пятно абажура на ситцевой ширмочке тревожило, как присутствие постороннего.

Статыгин нигде и никогда не свободен от скованности. «А можно ли чего-то хотеть, о чем-то думать, разговаривать, жить в полную силу, когда человеку не хватает воздуха?». А вы заметили, с ним это случается на работе, которую он не любит, дома — к жене он тоже безразличен. И однажды ему еще вспомнилось: «один человек начинал задыхаться всякий раз, когда обстоятельства заставляли его глат».

Нам нет необходимости видеть Статыгина в каком-то большом гражданском деле. Он везде, во всем окажется так же никчемен, как в любви. Душевная скованность, несвобода никогда еще не были условием мощного, полного проявления личности, и быть не могут. Мысль эта звучит в «Коротком дыхании» ясно и отчетливо, хотя работу над повестью Яшин, видимо, не считал законченной. Дает в ней знать себя эскизность. Есть непрописанные куски, торопливые. И все-таки, необычная по манере, повесть дает почувствовать, как значительны и многообразны были возможности Александра Яшина в прозе. Возможности, вероятно, не успевшие раскрыться до конца...

В. ОБОТУРОВ.